

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС: ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ВЗАИМОСВЯЗЬ

Юрасов Віталій Сергійович – бакалавр соціології, студент кафедри прикладної соціології соціологічного факультету Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна

У статті розглядається історично мінливий феномен благочинності в якості фактора та емпіричного індикатора соціального інтересу, а також кореляція здійснення актів благочинності та відношення до такої діяльності з рівнем соціального інтересу в суспільствах та спільнотах. В статті проводиться термінологічне дослідження та короткий огляд наукових течій в контексті демократичних процесів та процесів формування громадянського суспільства.

Ключові слова: благочинність, соціальний інтерес, суспільство, спільнота.

В статье рассматривается исторически изменчивый феномен благотворительности в качестве фактора и эмпирического индикатора социального интереса, а также корреляция характера благотворительности с уровнем социального интереса в обществах и общностях. В статье проводится терминологическое исследование в рамках анализа научных течений в контексте демократических процессов и процессов формирования гражданского общества.

Ключевые слова: благотворительность, социальный интерес, общество, общность.

In this particular work act of charity is distinguished as a factor, empirical indicator of social interest by example of charity behavior of benefactors and rank-and-file members of divergent societies as well as correlation between such behavior and level of social interest in different societies and communities. The author tries to make a terminological review along with the overview of the theoretical excursus in the movement of the studying problem and research field due to the actualization of the problem of charity in context of democracy and civic society.

Key words: charity, social interest, society, community.

Обсуждая определения гражданского общества в контексте демократичности, ученые-гуманитарии вынуждены были пересматривать различные определения "общества", усомнившись даже в существовании феномена как такового. Иллюзорность общества в глазах исследователей вызвана не столько отсутствием адекватных определений, сколько отсутствием операциональных, когда феномен общества мог бы быть продемонстрирован не только на примере идеальных моделей. Как минимум, можно говорить о стремлении поиска эмпирических показателей, которые указали бы на существование или отсутствие операционального понятия общества.

С помощью оккамовского принципа отказа от порождения сущностей без надобности, можно утверждать, что идентификация общества через его главную характеристику "социальности" могла бы быть самым простым и самым эффективным определением этого сложного феномена. Метафорично "социальность" пытался отобразить Эмиль Дюркгейм в своём концепте "социальной солидарности" [1], но в его определениях слишком сложно зафиксировать "социальность" эмпирически в разных типах обществ в разное время. В свою очередь, Альфред Адлер, определяя феномен "социальности", пришёл к понятию "социального интереса" [2], который он мог не просто наблюдать, но и эффективно регистрировать с помощью опроса. Его идея имеет другие недостатки для социолога. В отличие от "макросоциологического" подхода Э. Дюркгейма, А. Адлер размышлял в рамках психологии, изучая малые группы.

Таким образом, в рамках попыток гармонизировать "социальную солидарность" Э. Дюркгейма с "социальным интересом" А. Адлера, в статье предлагается операционализировать чувство общечеловеческого братства, которое предполагает взаимопомощь и дополнение в противовес отстраненно-мифическому единству. Как показывает практика исследований, непременно возникает всё та же проблема поиска эмпирических индикаторов такой формы "социальности" для больших обществ.

Акт благотворительности (отдельный или серию таких актов) процесс "творения блага" можно использовать не только для регистрации наличия или отсутствия "социального интереса", "коллективного духа" ("социального" вообще), но и для градации этих основных характеристик "общностей" и "обществ" (с некоторым уточнением идей Ф. Тённиса [3]).

Феномен благотворительности нельзя считать достаточно изученным ввиду того, что сама деятельность приобрела черты массовости сравнительно недавно [4]. Однако обращает на себя внимание ряд исследователей и исследований. В социологии принято рассматривать благотворительность как социальный институт [4-6]. Н. Крюков и А. Николаев в этом ключе уделяют больше внимания региональным особенностям функционирования такого социального института. О. Кузина, А. Аузан, В. Тамбовцев [7], Л. Петрова, М. Вандышев [8] и др. при рассмотрении благотворительности склоняются к её экономической интерпретации. По этому же пути следуют и П. Лежендр, М. Чорток и В. Нечаев в своём исследовании "Этики благотворительности" [9]. Практически все исследователи соглашаются с широким определением благотворительности как "добровольного вклада в создание общественных благ" [4], однако в большинстве случаев в рамках институционального подхода благотворительность рассматривается как результат деятельности благотворительных организаций.

В контексте исследователей благотворительности следует отметить также Ю. Тазьмина, который занимался мотивационной стороной благотворительной деятельности [10]. Специалисты сайта Инфоблаго.ru рассматривали благотворительность как индикатор мониторинга транслируемого средствами массовой информации контента [11], Фонд "Общественное мнение" исследовал благотворительность как один из множества показателей гражданской активности, изучая "самооценки включенности в благотворительность" российских граждан [12]. Многие авторы, в том числе О. Кузина [4] и другие приверженцы социально-экономического подхода [7-9], акцентируют внимание на рассмотрении благотворительности в рамках института социальной политики как контркультуры помощи, углубляясь на примере благотворительности во взаимоотношения бизнеса и государства, рассматривая благотворительность в рамках "социальной ответственности бизнеса".

Однако никто из исследователей не рассматривал благотворительность как индикатор социального интереса населения, чем и обусловлена актуальность данной работы. Следует также отметить, что особенно интересным и показательным является изучение благотворительности в рамках социологии в постсоветское время, в транзитивном украинском обществе, обществе прерванных трансляций и поисков идентичностей [13]. Редко акцентируется внимание на том, что благотворительность в нашей стране реабилитирована лишь после развала СССР. В Советском Союзе любая помощь, организованная спонтанно, без государственной инициативы, считалась аморальной, унижающей достоинство человека. Тем более важен тот факт, что законодательно любая благотворительная помощь не была прописана, а потому официально не существовала [14]. Именно поэтому мы полагаем, что украинское общество выходит на новый этап своего развития, который характеризуется новыми и более сложными формами взаимодействия. Такой переход необходимо не только регистрировать, но и подвергать тщательному анализу. Следует также отметить, что тема данной работы актуализируется еще и в связи с необходимостью осмысления сути и последствий трагедии начала 2010 года на Гаити. [15; 16]

Цель статьи – выявить эвристический потенциал благотворительности как индикатора для регистрации, а также способа формирования и стимулирования социального интереса населения. Для достижения данной цели нами были поставлены следующие задачи: 1) анализ понятий благотворительности и социального интереса; 2) предложить возможные направления изучения и использования благотворительности как индикатора социального интереса.

Феномен благотворительности, который исследуется в рамках своих прошлых определений, всё же наполняется новыми значениями и формами проявления. И если А. Адлер пытался "понять природу человека" [17], то мы пытаемся "понять природу общества", вполне конкретного культурного пространства. Необходимы основания для того, чтобы говорить именно про общество, а не про сумму индивидов, и таким основанием – одним из маркеров "социальности" – может быть благотворительность, анализ её форм и содержаний.

Для определения социологической сущности общества мы должны были бы опираться на категорию "социальности" как основную характеристику основного объекта изучения социологии. Однако в данной работе мы используем категорию "социального интереса" по нескольким причинам.

Во-первых, нам представляется плодотворным теоретико-методологическое русло изучения феномена "социальности", в котором работал А. Адлер и его последователи [17-19], и, соответственно, их определения "социального интереса" удовлетворяют целям и задачам исследования "социальности". Во имя избежания непонимания мы полагаем целесообразнее пользоваться не только определениями, выработанными "школой социального интереса" [17], но и их категориями.

Во-вторых, категория "социального интереса" не чужда социологической дисциплине. Есть "социологическое" определение "социального интереса", которое не только отличается, но несколько диссонирует с определением А. Адлера. "Толковый словарь обществоведческих терминов" под редакцией Н.Е. Яценко определяет социальный интерес как "социологическую категорию, обозначающую всё то, что имеет какое-либо значение для удовлетворения социальных потребностей людей, а также сами потребности людей" [20, с. 403]. Предлагается классификация социального интереса: "1) по социальной структуре – индивидуальные, групповые, классовые, национальные, общегосударственные, общечеловеческие; 2) по сферам общественной жизни – экономические, политические, духовные; 3) по тенденциям общественного развития – прогрессивные, консервативные, реакционные; 4) по уровню отражения общественной жизни – реальные, абстрактные, мнимые, стихийные, осознанные" [20, с. 403]. Очевидно, что в отечественной социологической традиции принято говорить не столько о социальном интересе, сколько о социальных интересах [21; 22].

Из этого формального отличия следует два вывода. Во-первых, предполагается, что у людей есть заинтересованность в обществе для удовлетворения своих потребностей, то есть у общества есть что-то, что можно взять, а во-вторых, интересов много, а потому в зависимости от потребности или ситуации само понятие социального интереса наполняется различными смыслами. В контексте же нашей работы социальный интерес предполагается рассматривать как стремление к привязанности и присоединению, заинтересованности в других людях, желании быть частью целого, вносить свой вклад в общее дело. [17, с. 39].

Социальный интерес – элемент мотивационно-потребностной сферы, который выступает основой интеграции в общество и устранения чувства недостаточности. Понятие социального интереса охватывает не только человеческие чувства к ближайшему окружению, но и к обществу, человечеству в целом. Социальный интерес, безусловно, развивается лишь в социальном контексте и проявляется в различных формах готовности: 1) быть несовершенным, 2) к вкладу в общее благосостояние, 3) к проявлению доверия, заботы, сострадания, 4) готовности к ответственному выбору, 5) к творчеству и близости, 6) сотрудничеству и включенности [17; 18]. Следует также заметить, что оригинальный термин А. Адлера "Gemeinschaftsgefühl" на русский язык следует переводить как "чувство солидарности", что возвратило бы нас к Э. Дюркгейму, однако, в русский (психологический в первую очередь) словарь терминов "социальный интерес" пришел через англоязычные издания, в которых "Gemeinschaftsgefühl" переводился именно как "social interest" [17, с. 39].

Два приведенных выше определения находятся на разных уровнях абстракции. "Социологическое" определение социального интереса следует обозначить как определение интереса вообще, неразрывно связанного с потребностями, которые можно удовлетворить в обществе. Но это не "общественные потребности", не потребности общества самого по себе, не социальные потребности, а те потребности, которые можно удовлетворить в социуме.

А. Маслоу в своей классификации отказался от уровня социальных потребностей именно по той же причине, по которой мы отказываемся от "социологического" определения социального интереса [23]. Ведь социальная потребность – это любая потребность, имеющая социальную основу, а в этом случае – и потребность во властвовании и потребность в аффилиации являются в равной степени социальными. [24, с. 546] Социальный же интерес – это конкретный интерес, который реализуется в обществе. В этом ключе можно говорить, что "социологический" социальный интерес является родовым понятием для Gemeinschaftsgefühl как и для интересов экономических и политических.

В любом случае, следует отметить факт размытости и практической невозможности операционализации "социологического" определения социального интереса. Такое определение предполагает, что всё, что не определяется биологией, можно назвать социальным интересом, а потому и экономический, и политический, и общественный интерес является социальным. То есть социальный интерес является чем-то большим, чем общественный интерес. Такое желание описать определенным понятием всё является пагубным для практического исследования.

Можно определить социальный интерес как понятие, которое охватывает чувства человека по отношению к другим людям, подразумевающие желание сотрудничать, способность интересоваться другими людьми, "принимать в них участие" [2], вносить свой вклад в общественную сферу ради её процветания. Это качество хотя и врожденное, развивается только в социальном контексте. Именно желание "вносить свой вклад", а не "брать, чтобы удовлетворять", является основой социального интереса [17, с. 39].

Такое определение социального интереса снимает необходимость обоснования возможности индикации социального интереса через благотворительность. Однако сама благотворительность нуждается в точном определении.

Принято считать, что благотворительность – это систематическая раздача материальных благ, в основном денег, технических приспособлений, одежды, продуктов питания, медикаментов. Российский исследователь этики и морали Р. Апресян считает даже, что "необходимо усилие для того, чтобы увидеть благотворительность в бесплатном предоставлении услуг, передаче знаний и умений" [25].

В соответствии с Законом Украины "О благотворительности и благотворительных организациях" от 1997 года с изменениями от 07.03.2002, "благотворительность – это добровольное бескорыстное пожертвование физических и юридических лиц в предоставлении получателю материальной, финансовой, организационной и другой благотворительной помощи; специфическими формами благотворительности являются меценатство и спонсорство; благотворительная деятельность – это добровольная бескорыстная деятельность благотворительных организаций, которая не предполагает получение прибыли от этой деятельности" [26]. Это определение имеет ценность для законодательной базы, но не соответствует своей перспективой канонам социологического исследования, так как акцентирует внимание на субъекте благотворительности, коим считается благотворительная организация, зарегистрированная и действующая в рамках законодательства о благотворительности, что ограничивает изучение феномена как индикатора социального интереса. Дихотомия форм также неудовлетворительна. Однако самый важный недостаток юридического определения – отсутствие целевой составляющей благотворительности, нацеленности на франкирование институтов гражданского общества.

Предложенный Р. Апресяном подход, согласно которому "благотворительность – это деятельность, посредством которой частные ресурсы добровольно распределяются их обладателями в целях содействия нуждающимся (не только живущим в нужде, но и испытывающим недостаток в дополнительных средствах для реализации своих личных и профессиональных интересов) людям, для решения общественных проблем, а также усовершенствования условий общественной жизни" [25] вполне соответствует концепции данной статьи.

Таким образом, есть основания отказываться от юридических и экономических определений [7-9; 26]. Однако Р. Апресян считает необходимым и принципиальным разделение "филантропии" (синоним "благотворительности"), которая "носит организованный и, как правило, безличный характер", и милостыни, которая "представляет собой индивидуальное и частное... [и непосредственное] действие без явной просьбы со стороны нуждающихся" [27]. Возможное уточнение определения "милостыни" еще и как действия спонтанного, в отличие от "филантропии", которая продумана и спланирована, не столь принципиально. Важно то, что мы не будем разделять "благотворительность" и "милостыню", предлагая считать "филантропию" и "милостыню" видами благотворительной деятельности, выстраивая свою иерархию понятий, отказываясь от синонимичности "филантропии" и "благотворительности" во имя широкого определения благотворительности. По тем же причинам надо отказаться и от разграничения "благотворительности" и "филантропии", которое предлагается О. Кузиной в ходе анализа концепта благотворительности с помощью параллелей с английскими аналогами и их не столько смысловой, сколько эмоциональной составляющей [4].

В контексте данной работы благотворительность следует считать родовым понятием по отношению к меценатству, покровительству, филантропии, милостыни и другим подобным понятиям.

Таким образом, на базе анализа концептов социальной солидарности Э. Дюркгейма и "социальности", предлагаемой "школой социального интереса", а также исследований в сфере благотворительности Р. Апресяна, О. Кузиной и других исследователей, чьи разработки позволяют судить о социальном интересе населения в контексте отношения к благотворительности мы предполагаем, что исследование корреляции между отношением к благотворительности, благотворительными практиками и готовностью творить акты благотворительности с социальным интересом сделает возможным в дальнейшем индикацию социального интереса, уровня социальности общества через процессы благотворительности. Используя благотворительность как эмпирический индикатор социального интереса, можно проводить сравнительный анализ обществ опосредованно, завуалировав стремление изучения именно социального интереса в ходе разного рода опросов и диагностик.

Мы предлагаем не только возобновить интерес к разработкам А. Адлера (этот процесс сейчас весьма характерен для американских учёных-гуманитариев), но также и дополнить разработанные

методики регистрации социального интереса и изучения социального интереса концептом благотворительности.

Когда благотворительность выводится на новый уровень абстракции и отмечается её достойное место в языке науки, открываются новые возможности изучения обратной корреляции, то есть практического смысла благотворительности, её способности изменять уровень социального интереса через формирование дискурса благотворительности.

Кроме того, мы считаем необходимым дальнейший анализ концепта "благотворительности" на основе установления его связи "социальным интересом" как понятия, предлагаемого А. Адлером, что даёт основание для развития перспектив изучения евроинтеграции украинского общества.

Литература:

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: Метод социологии; перевод с : фр. / Дюркгейм, Эмиль, Гофман, Александр Бенционович, Сапов, В.В.. – М. : Наука, 1991. – 574 с.
2. Наука жить [Электронный ресурс] / Альфред Адлер // К.: Port-Royal – 1997. – Режим доступа к ресурсу:
http://lib.aldebaran.ru/author/adler_alfred/adler_alfred_nauka_zhit/adler_alfred_nauka_zhit_0.html
3. Общность и общество [Электронный ресурс] / Теннис Ф. // Социологический журнал – 1998. – №3/4. – с. 206-209. – Режим доступа к журналу: <http://www.socjournal.ru/article/244>
4. Благотворительность в России как социальный институт [Электронный ресурс] / О. Кузина // Режим доступа к статье: http://www.hse.ru/data/007/979/1224/Kuzina_8_04_08.doc
5. Благотворительная помощь: проблемы и пути решения [Электронный ресурс] / А.И.Николаев // Университетское управление – № 3(14). – с. 54-56. – Режим доступа к статье: <http://ecsocman.edu.ru/univman/msg/145188.html>
6. Возрождение общественной и частной благотворительности в регионах [Электронный ресурс] / Н.П.Крюков // Журнал исследований социальной политики – 2003. – Т. 1. № 2. – с. 263-273. – Режим доступа к статье:
http://www.ecsocman.edu.ru/data/862/627/1219/krukov_vozrozdienie_blagotvoritelx27nosti.PDF
7. Экономическое значение гражданского общества [Электронный ресурс] / А. Аузан, В. Тамбовцев // НКО в социальной политике. – Режим доступа к исследованию: <http://www.socpolitika.ru/rus/ngo/research/document5784.shtml>
8. Экономическая мотивация благотворительной деятельности (на примере предприятий Екатеринбурга) [Электронный ресурс] / Л.Е.Петрова, М.Н.Вандышев // Интернет-конференция Поиск эффективных институтов для России XXI века с 27.10.03 по 27.12.03 – Режим доступа к ресурсу: <http://ecsocman.edu.ru/db/msg/122728.html>
9. Этика благотворительности [Электронный ресурс]: (материалы социологического исследования) / Лежендр П., Черток М., Нечаев В.Я. // М.: САФ, Российское представительство – 1998. – Режим доступа к материалам исследования: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/210220.html> – Название с экрана.
10. Меценатство и благотворительность в России. К вопросу о мотивациях [Электронный ресурс] / Ю.Н.Тазьмин // Социологические исследования – 2002. – № 2. – с. 92-97. – Режим доступа к статье: <http://ecsocman.edu.ru/socis/msg/246551.html>
11. Благотворительность в СМИ России. Основные параметры информационного поля [Электронный ресурс] // НКО в социальной политике. – Режим доступа к результатам мониторинга: http://www.socpolitika.ru/files/10412/smi2008_1.pdf – Название с экрана.
12. Показатели гражданской активности [Электронный ресурс] // НКО в социальной политике. – Режим доступа к результатам мониторинга: <http://www.socpolitika.ru/files/8770/socat13.pdf> – Название с экрана.
13. Ядов В.А. Теоретико-концептуальные объяснения "посткоммунистических" трансформаций // Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. Курс лекций. СПб. 2006. – С. 68-78
14. Правовая модель благотворительности и благотворительных организаций: гражданско-правовой и социологический аспекты [Электронный ресурс] / О.А. Чернега // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М.: МГЮА – 1988. – Режим доступа к автореферату: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=82631>

15. Каждый за себя [Электронный ресурс] / Антон Орехъ // Ежедневный журнал – 22.01.2010 – Режим доступа к статье: <http://ej.ru/?a=note&id=9813>
16. Мальчик Чарли спасает Гаити [Электронный ресурс] / Антон Орехъ // Ежедневный журнал – 28.01.2010 г. – Режим доступа к статье: <http://ej.ru/?a=note&id=9831>
17. Сидоренко Е. В. Терапия и тренинг в концепции Альфреда Адлера. – СПб.: Речь, 2002. – 347 с.
18. A Scale of Social Interest [Электронный ресурс] / Crandall J.E. // Individual Psychology: The Journal of Adlerian theory, Research and Practice – 1991. – Vol. 47. – №1. p. 106-114. – Режим доступа к статье: [http://oregonmentors.org/files/library/Social%20Interest%20Scale%20SIS%20\(by%20Crandall\).pdf](http://oregonmentors.org/files/library/Social%20Interest%20Scale%20SIS%20(by%20Crandall).pdf)
19. Further validation of the Sulliman scale of social interest [Электронный ресурс] / A.E. Gratel // Dissertation in education – 1989. – Режим доступа к работе: <http://etd.lib.ttu.edu/theses/available/etd-02262009-31295005913198/unrestricted/31295005913198.pdf>
20. Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. – СПб.: Лань, 1999. – 528 с.
21. Лоббизм и образование [Электронный ресурс] / К.В.Киселев // Университетское управление – 2000. – № 2(13). С. 67-73. – Режим доступа до статті: <http://ecsocman.edu.ru/univman/msg/145150.html>
22. Ценности, группы интересов и трансформация российского общества / Н.И.Лапин // Социологические исследования – 1997. – № 3. – с. 14-24. Режим доступа к статье: <http://ecsocman.edu.ru/images/pubs/2005/08/19/0000218693/002.LAPIN.pdf>
23. Маслоу А. Мотивация и личность: перевод с: англ. / Маслоу, Абрахам . – 3-е изд.. – СПб.; Х.: Питер, 2003. – 351 с.
24. Х. Хекхаузен, Мотивация и деятельность. – СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. – 860 с.
25. Филантропия: милостыня или социальная инженерия? [Электронный ресурс] / Р.Г. Аapresян // Общественные науки и современность – 1998. – № 5. – с. 51-60. Режим доступа к статье: <http://ecsocman.edu.ru/ons/msg/162879.html>
26. Закон України Про благодійництво та благодійні організації [Электронный ресурс] / Відомості Верховної Ради України (ВВР) – 1997. № 46. – С. 292. – Режим доступу до закону: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=531%2F97-%E2%F0&zahyst=4/UMfPEGznhhxPk.ZiTCXiquHI4hss80msh8Ie6>
18. Дилеммы благотворительности [Электронный ресурс] / Р.Г.Аapresян // Общественные науки и современность – 1997. № 6. с. 56-67. – Режим доступа к статье: <http://ecsocman.edu.ru/ons/msg/166067.html>